

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

(IX–XXI вв.) курс лекций

Лекция 2 ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Вопросы

1. Предпосылки образования государства.
2. Дискуссионные проблемы образования государства у восточных славян.

1. Предпосылки образования государства

Сложные процессы, происходившие в восточнославянском обществе, однотипная среда обитания, близость традиций, языка, верований, а также внешняя опасность, исходившая как от северных, так и от южных соседей, создавали реальные предпосылки для новых, более совершенных форм политического и организационного взаимодействия, способствовали формированию государства.

Возникновение государства — закономерный этап в развитии общества. Он зависит от множества факторов, находящихся в сложном взаимодействии, оказывающих влияние на конкретные области функционирования человеческого общества: социально-психологическую, экономическую, политическую, правовую.

К первой группе факторов отнесём социально-психологические изменения, характерные для общества, находящегося на стадии распада первобытной родовой общины. Отношения внутри рода, племени становятся разнообразнее, расширяются контакты не только между людьми, но и между племенами, формируется индивидуальное восприятие человеком окружающего мира, т. е. личность. Этот процесс протекает на фоне меняющихся условий жизни, которые ещё более подчёркивают несоответствие общественных, групповых и индивидуальных интересов старым организационным и общественным формам.

На изменение условий жизни общества определённое влияние оказывают экономические факторы. Совершенствуются орудия труда, вследствие этого растёт производительность труда, появляются излишки материального производства, развивается торговля.

Дружина союза племён и её предводитель — князь — представляли не какой-то один род или племя, а интересы более крупного объединения. Это позволяло им в случае различных конфликтов поднять ся выше родовых или племенных споров, выступить в качестве судей. Князь и его дружина, занимаясь военным делом профессионально, обеспечивали защиту остального населения, которое получало свободу в выборе рода занятий. Таким образом, у князя и дружины сосредоточиваются военные и часть судебных функций. Они выступают носителями новых организационных элементов — элементов государственности. В свою очередь это ведёт к ограничению полномочий родовых и племенных старейшин. Это политические факторы.

Изменения в общественной жизни находят отражение в новых правовых нормах, в соблюдении которых была заинтересована большая часть общества — от общинника до дружинника и князя.

2. Дискуссионные проблемы образования государства у восточных славян

Вопрос о том, как, при каких условиях формировалось государство у восточных славян, является важнейшим в истории Древней Руси. Однако, чтобы ответить на него, необходимо прояснить по крайней мере ещё три вопроса. Во-первых, насколько правомерен тезис о двух центрах формирования

древнерусской государственности — южном в Киеве и северном в Новгороде? Во-вторых, каковы роль и степень участия варягов в процессе образования государства у восточных славян? В-третьих, каково происхождение названия «Русь»?

Эти вопросы по-разному решаются в современной историографии. Дискуссии по ним то затухают, то вспыхивают с новой силой.

Рассмотрим первый вопрос. Источники «склоняют к мысли об известном паритете двух великих городов России в формировании отечественной государственности» (И. Я. Фроянов). Вероятно, поэтому уже с IX в. «существовали и боролись между собой два взгляда на происхождение Русского государства, — отмечает Б. А. Рыбаков. — Согласно одному взгляду, центром Руси и собирателем славянских земель являлся Киев, согласно второму — Новгород». До конца 1970-х гг. в советской историографии не оспаривалось положение о том, что Древне-русское государство сложилось в 80-х гг. IX в. в результате объединения двух политических областей восточных славян: южной с центром в Киеве и северной с центром в Новгороде. В начале 1980-х гг. Б. А. Рыбаков выступил с рядом работ, в которых обосновывал приоритет Киева в формировании Древнерусского государства. «Обильный материал разнородных источников, — отмечал он, — убеждает нас в том, что восточно-славянская государственность вызрела на юге, в богатой и плодородной лесостепной полосе Среднего Поднепровья».

Согласно концепции Б. А. Рыбакова, возникновение государства на Руси можно представить в виде следующей схемы. *Первый этап* (V–VII вв.). Основание Киева в конце V или в первой половине VI в.

на земле полян — Руси. В VI в. в Среднем Поднепровье складывается мощный союз славянских племён, принявший имя одного из объединившихся племён — народа «рос» (или «рус»). *Второй этап* (VIII — середина IX в.). Происходит подчинение ряда племенных союзов власти Руси, власти киевского князя; это этап неполного объединения восточнославянских племён. Приднепровский союз лесостепных славянских племён превращается в суперсоюз. *Третий этап* развития Киевской Руси «не связан с каким-либо новым качеством. Продолжалось и развивалось то, что возникло ещё на втором этапе: увеличивалось количество восточно-славянских племенных союзов, входивших в состав Руси, продолжались и несколько расширялись международные торговые связи Руси, продолжалось противостояние степным кочевникам» (Б. А. Рыбаков). Хронологические рамки этого периода точно не определены.

А. П. Новосельцев, анализируя теорию Б. А. Рыбакова, отмечает следующее. Во-первых, Б. А. Рыбаков не рассматривает Новгород как один из двух центров формирования Древней Руси, отводит ему роль северной фактории Киева. Во-вторых, некоторые положения Б. А. Рыбакова восходят к трудам Д. И. Иловайского, и особенно М. С. Грушевского, который, по мнению А. П. Новосельцева, имел «чётко выраженную концепцию: доказать, что Древняя Русь была украинским государством и именно “украинские” славяне его создали и возвеличили».

Иной подход к рассматриваемой проблеме заключается в обосновании тезиса о том, что независимо от становления государственности у славянских племён Поднепровья и параллельно с ним зарождалась государственность на северо-западе славянских земель. В VIII — середине IX в. в этом регионе складывается суперсоюз. Его образуют не только славянские племена (кривичи и словене), но и финно-угорские племена. Первоначально центром объединения становится Ладога, затем он переместился в Новгород. Появление межплеменного образования было обусловлено внешней опасностью, исходившей от варяжских дружин, точно так же как и появление суперсоюза в Поднепровье («Русская земля») в VII в., созданного полянами для противодействия хазарам и для освобождения от дани (А. Я. Дегтярёв, И. Я. Фроянов).

Б. А. Рыбаков полностью исключает возможность влияния «внешних импульсов» на процесс формирования государства. «Историки нередко ищут внешние импульсы возникновения государственности: указывают на набеги норманнов или на взимание дани со славян Хазарским каганатом как начальную фазу государственности. Поиски внешних импульсов безрезультатны. Государственность не импортируется извне и не может возникнуть из необходимости уплаты дани окраинными племенами тем или иным воинственным соседям».

Последнее утверждение подводит нас к ещё одному аспекту истории возникновения Древнерусского государства — норманнской теории, основой которой послужил рассказ в «Повести временных лет».

В 862 г. для прекращения междоусобиц славяне обратились к варягам: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Варяги откликнулись на призыв. Три брата — Рюрик, в Новгороде, Синеус на Белоозере и Трувор в Изборске — заложили основу не только государства, но и правящей династии.

Б. А. Рыбаков сводит норманнскую теорию к двум тезисам. Во-первых, славянская государственность была создана не славянами, а европейцами-варягами. Во-вторых, «рождение славянской государственности происходит не на киевском лесостепном Юге, а на новгородском болотистом и неплодородном Севере». Таким образом, Б. А. Рыбаков прямо увязывает эту проблему с вопросом о двух центрах русской государственности.

У истоков норманнской теории происхождения Древнерусского государства (30-е гг. XVIII в.) стояли немецкие учёные Г. Байер, Г. Миллер, А. Шлёцер — академики Российской Академии наук. Прямым следствием норманнской теории стали далеко идущие политические выводы о неспособности русских к самостоятельному историческому развитию, их отсталости от западноевропейских народов.

В отечественной историографии существуют три подхода к оценке летописного известия о призвании варягов. Первый — сведения летописи признаются в основе своей достоверными. Второй — рассказ летописца — легенда, сочинённая позже изложенных в ней событий под влиянием «идеологических страстей», охвативших древнерусское общество в конце XI — начале XII в. Третий подход допускает реальность 24 25 *Раздел 1. Древняя Русь в IX–XIII вв. Лекция 2. Образование государства у восточных славян некоторых фактов, однако не тех, что изложены в летописи (И. Я. Фроянов).*

Рассмотрим вторую историографическую интерпретацию. Советские историки М. Д. Присёлков, М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачёв обосновали точку зрения, согласно которой летописный рассказ о призвании трёх братьев-варягов является легендой, имевшей определённый политический смысл. В ходе самого крупного в истории Древней Руси восстания в Киеве (1113 г.) горожане и *совет* киевской знати предложили Владимиру Мономаху вокняжиться в Киеве. Однако он отказался, так как его согласие означало бы нарушение постановления Любечского съезда князей (1097 г.): «каждо да держит отчину свою» («пусть каждый владеет отчиной своей»). Киев не был его *отчиной*. Вокняжиться в нём означало для Мономаха нарушить им же предложенное решение Любечского съезда князей. После колебаний и настояний киевлян Мономах вступает в город. Восстание прекратилось.

Однако деятельность Мономаха нуждалась в освящении исторической традицией для придания ей легитимного характера. С этой целью игумен Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестр редактирует «Повесть временных лет» (1116 г.). Рассказ о призвании варягов принимает форму, которой оперируют современные исследователи.

Ключевым моментом рассказа становится «приглашение» варяжских князей, ибо сам Мономах с точки зрения княжеского права княжит в Киеве незаконно. Поэтому оправданием для Мономаха может служить то, что он не сам «сел на стол», а его пригласили в тот момент, когда в городе бушевало

восстание. Мономах призывают в Киев княжить для того, чтобы установить «порядок». Время Мономаха непосредственно перекликается с летописным рассказом о призвании братьев-варягов (В. В. Мавродин). Таким образом создаётся исторический прецедент, призванный узаконить правление Владимира Мономаха в Киеве.

Третий историографический подход представлен в трудах В. О. Ключевского. По версии историка варяжские князья с дружиной были призваны новгородцами и союзными с ними племенами для защиты от внешних врагов. За свои «сторожевые услуги» они получали «определённый корм». Однако «наёмные охранители» желали кормиться «слишком сытно» и потребовали увеличения платы. Получив отказ, они расправились со своими «плательщиками». Так наёмники превратились во властителей, а своё наёмное жалованье превратили в дань. «Вот простой прозаический факт, — заключает В. О. Ключевский, — по-видимому, скрывающийся в поэтической легенде о призвании князей».

С критикой норманнской теории в различные периоды развития отечественной исторической науки выступали М. В. Ломоносов, Д. И. Иловайский. Стронниками теории были Н. М. Карамзин, М. Н. Погодин, С. М. Соловьёв. В современной историографии нелегко отыскать исследования, написанные с позиций норманнской теории. Большая часть историков, как нам представляется, склонна соединять доводы «норманистов» и «антинорманистов», отмечая при этом два обстоятельства.

Во-первых, не следует как преувеличивать роль варягов в истории Руси второй половины IX в., так и игнорировать её. Во-вторых, имевшиеся у славян элементы государственности вполне могли быть развиты и реализованы с участием норманнского князя и его дружины.

Не менее дискуссионным является вопрос о происхождении термина «Русь». Наиболее распространённые версии в той или иной степени связаны с норманнской теорией. Одни исследователи полагают, что название «Русь» первоначально определяло норманнов, а затем было перенесено на славян. Другие считают, что этот этноним славянского происхождения, но в определённый момент стал обозначать и норманнов, вступивших в союз со славянской Русью.

Свою версию выдвинул Б. А. Рыбаков. Он связывает это название с конкретным славянским племенем *руссов* (или *россов*). Область их обитания в VI–VII вв. он определяет как «юго-восточный угол славянского мира, обращённый к враждебной степи». Именно этот регион рассматривается им как ядро Древнерусского государства. Таким образом, по мнению Б. А. Рыбакова и его последователей, спор о месте рождения русской государственности однозначно решается в пользу Юга, т. е. Киева.

Эта во многом лингвистическая проблема вряд ли может оказать существенное влияние на оценку сложных процессов, приведших к образованию Древнерусского государства. Названия племён, как правило, возникали случайно. Нередко то или иное племя получало имя от своих соседей, отличное от того, которым оно само называло себя. В мировой истории бывало, что завоеватели навязывали покорённой стране своё название, но случалось и наоборот. Название завоёванной страны принималось завоевателями. Англосаксы заимствовали название *Великобритания*, включающее название древнего народа *бритты*. Были и совсем удивительные случаи, когда средневековые авторы называли Русь *Грецией*, очевидно, из-за общей религии и сходной письменности.

Согласно летописному рассказу, в 879 г., после смерти Рюрика, власть в Новгороде перешла к князю (или правителю) Олегу (879–912 гг.). Он одновременно стал и опекуном малолетнего сына Рюрика Игоря. В 882 г. Олег и его дружина подчиняют своей власти славянские племена, жившие вдоль «пути из варяг в греки», и утверждаются в Киеве. Это событие большинством историков рассматривается как объединение Южной и Северной Руси (Киева и Новгорода), как завершающий этап формирования Древнерусского государства.

И. Я. Фроянов, основываясь на летописных известиях о подвластных Олегу территориях, о характере и порядке взимания с них дани, полагает, что при оценке этих событий в лучшем случае можно «вести речь об установлении союзнических отношений между северными племенами во главе со словенами и “Русской землёй”, возглавляемой полянами. Союзнические отношения строились на принципах равенства, а не зависимости от Киева», который в IX в. не имел достаточно сил для установления и удержания господства над Новгородом.